

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-125-134>

ДЕЙКСИС КАК ОТРАЖЕНИЕ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ «ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ РУССКОГО НАРОДА» В. И. ЗИМИНА И А. С. СПИРИНА)

**Ирина Ивановна
Чумак-Жунь**

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия, chumak@bsu.edu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6790-1418>

Аннотация. В работе на материале Большого объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зими́на и А. С. Спи́рина интерпретирована дихотомия «свой / чужой» в аспекте ее концептуального содержания. Рассмотрена паремиологическая репрезентация *своих / чужих* как способ воплощения наивной картины мира. *Свой и чужой* – это местоименные исходы, высокая абстрактность значения которых при меняющемся конкретном содержании дает возможность увидеть многие особенности национального сознания. Представленные в словаре паремии указывают на антропогенный характер данного явления. Основой формирования внутренней формы оппозиции *свой / чужой* выступает дейксис, причем в зависимости от частеречной принадлежности дейктический вектор семантики по-разному формирует соответствующие фрагменты картины мира. Реализация когнитивного потенциала дейктических единиц наглядно представлена в лексикографическом источнике: так, данные словаря подтверждают, что субстантиват *свои* в идиоме *свои люди* предполагает конкретные денотаты, а в местоименной дихотомии *свой / чужой* в первую очередь проявляются отношения между оппозитивными единицами. Анализ «паремиологического содержания» глав дает читателю возможность наполнить каждое из названий конкретными смыслами, восходящими к понятиям материального и духовного мира. Доказано присутствие в представлении о *своем* всех компонентов противопоставления – *мой, твой, его и свой* – и их потенциальная способность актуализироваться в зависимости от контекста употребления корреляции. *Свой / чужой* – концептуальная база словаря, при этом эти дейктические маркеры выстраивают целую парадигматическую «ось», основанную на двух векторах дейксиса как «скелетах» семантики.

Ключевые слова: дейксис, паремия, лексикография, национальное сознание, оппозиция свой-чужой.

Для цитирования: Чумак-Жунь И. И. Дейксис как отражение наивной картины мира в лексикографическом источнике (на материале объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зими́на и А. С. Спи́рина) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 125–134. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-125-134>.

Сведения об авторе: И. И. Чумак-Жунь – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Scientific Article

UDC 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-125-134>

DEIXIS AS A REFLECTION OF A NAIVE WORLDVIEW IN A LEXICOGRAPHIC SOURCE (BASED ON THE EXPLANATORY DICTIONARY «THE PROVERBS AND SAYINGS OF THE RUSSIAN PEOPLE» BY V. I. ZIMIN AND A. S. SPIRIN)

Irina I. Chumak-Zhun

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia, chumak@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6790-1418>

Abstract. The article presents the interpretation of the *ours-others* dichotomy in the aspect of its conceptual content on the material of the Big explanatory dictionary "Proverbs and sayings of the Russian people" by V. I. Zimin and A. S. Spirin. The paremiological representation of *ours / others* is considered as a way of embodying a naive picture of the world. *ours-others* are pronominal outcomes, the high abstractness of the meaning of which, with changing specific content, makes it possible to see many features of national consciousness. The paremias presented in the dictionary indicate the anthropogenic nature of this phenomenon. The basis for the formation of the internal form of the opposition of *ours-others* is deixis, and depending on the part-of-speech belonging, the deictic vector of semantics forms the corresponding fragments of the worldview in different ways. The realization of the cognitive potential of deictic units is clearly presented in the lexicographic source. Thus, the dictionary data confirm that the substantive *ours* in the idiom *our people* presupposes specific denotations. In the pronominal dichotomy *ours-others*, the relationship between oppositional units manifests itself first. The analysis of the «paremiological content» of the chapters gives the reader the opportunity to fill each of the titles with specific meanings that go back to the concepts of the material and spiritual world. The article proves the presence of all the components of the opposition (mine, yours, his and his) in the idea of his and their potential ability to be actualized depending on the context of the use of correlation. *Ours-others* is the conceptual base of the dictionary, while these deictic markers build an entire paradigmatic «axis» based on two deixis vectors as the «skeletons» of semantics.

Keywords: deixis, paremia, lexicography, national consciousness, opposition of ours-others.

For citation: Chumak-Zhun, I. I. 2023, 'Deixis as a Reflection of a Naive Worldview in a Lexicographic Source (Based on the Explanatory Dictionary «The Proverbs and Sayings of the Russian People» by V. I. Zimin and A. S. Spirin)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 125–134, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-125-134> (in Russ.)

Information about the Author: *Irina I. Chumak-Zhun* – Professor, Doctor of Science (Philology), Head of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia.

© Chumak-Zhun I. I., 2023

Введение

Язык, подобно зеркалу, отражает и фиксирует не только мысли, но и поступки людей – как отдельно взятой личности, так и целого этноса, имеющего свою государственность. Один из источников, который в наиболее обобщенной форме представляет эту информацию, – словарь, особенно словарь фразеологический или паремиологический.

Словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зиминой, А. С. Спириной занимает среди паремиологических словарей особое место. В посвящении соавтору В. И. Зимин пишет, что они не облекли свой труд в традиционные одежды лексикографического жанра – и с этим сложно не согласиться. Этот необычный словарь не раз был предметом обсуждения коллег-лингвистов, так, блестящий анализ словаря предлагает в своей статье В. М. Мокиенко [9].

В подзаголовке уточняется жанр: словарь объяснительный. Действительно, авторы выступают как повествователи, которые неторопливо и мудро беседуют с читателем, показывая ему мир глазами русского человека, вернее, средствами русского языка. Словарь разделен на главы, что преимущественно характерно для повествовательных жанров – в этом тоже его специфика. Это мини-рассказы о тех жизненных ситуациях, которым русское коммуникативное сознание дает оценку в виде паремий.

Справедливо подчеркивая, что «доминантой – как концептуальной, так и классификационной – этого собрания пословиц и поговорок является оправданное представление об их всепроникающей антропоцентричности», В. М. Мокиенко ссылается на слова А. Н. Тихонова из предисловия к словарю, который, в свою очередь, обращается к высказыванию выдающегося русского лингвиста и паремиолога Ф. И. Буслаева, подметившего, что пословицы в основном являются характеристикой человека и круга его деятельности [9, с. 4–5]. Позволим себе процитировать: «Главным достоинством любого большого паремиологического собрания является его материал. И здесь – можно сразу сказать – рецензируемая книга представляет собой самостоятельный тезаурус русских пословиц и поговорок в самом широком их понимании» [9].

Однако материал словаря позволяет не только ощутить, по образному определению М. А. Шолохова, «безграничный полет крылатой мудрости», но и дает пищу для наблюдения над лингвистическими явлениями, среди которых и терминология фольклористики, и тонкости паремиологической таксономии, и прецедентность (многие названия глав и их частей представляют собой современные прецеденты), и семантико-словообразовательная игра (названия *проголодавшийся и голодный, подарки и отдарки*), и этимологический анализ, и «страноведческая информация с диахроническим подтекстом» [9].

В немалой степени повествовательный стиль словаря формируют прономинативные единицы, что дает возможность наблюдения над таким сложным и «глубинным» грамматико-семантическим явлением, как дейксис, который представлен здесь как вектор, определяющий особенности паремиологических номинаций. В исследованиях о соотношении номинации и дейксиса (Н. Ю. Шведова [14], А. Н. Гвоздев [4], Л. Я. Маловицкий [8], А. А. Буров [3], И. И. Чумак-Жунь [15] и др.) этот аспект не развернут, что и дало импульс к его дальнейшему рассмотрению.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели – описать дейктические векторы как основу формирования внутренней формы прономинативов *свой и чужой* – используются методологические принципы антропоцентризма, направленные на интерпретацию лексикографического материала в аспекте его концептуального представления. Для практической реализации данной методологической установки наиболее эффективными являются следующие используемые нами методы и приёмы: (а) метод лексикографического анализа словаря с элементами лингвистической герменевтики; (б)

метод концептуального моделирования – направлен на деятельность по формальному описанию фрагментов наивной картины мира, представленных в словаре. Выявление смысла осуществляется черезэкспликацию скрытых дейктических маркеров в конкретной паремиологической группе. В качестве материала исследования были взяты словарные дефиниции из паремиологических и толковых словарей русского языка, в частности из лексикографического труда В. И. Зимины и А. С. Спирина [5].

Исследование

В наиболее «чистом» виде дейксис, как известно, выражается различными видами местоимений. Участвуя в формировании номинации за счет указания на участников речевого акта, дейксис позволяет показать мир в разной проекции. Несомненно, дейксис и есть та внутренняя форма, которая определяет состояние «бытие в местоимении = местоименность». С точки зрения Н. Ю. Шведовой, местоимения – это «слова, которые ничего не называют (не именуют): они означают смыслы, восходящие к понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы...» [14, с. 7]. Особенно показательны местоимения как дейктические маркеры в заглавиях глав и подглав словаря – их использование в автосемантической позиции позволяет проследить за ходом повествования и за векторами «писательского мемуарного эссе».

Именно с помощью местоимений осуществляется языковая фиксация тех смыслов, которые в коммуникативном сознании отражают специфику концептосферы наивной картины мира носителей русского языка. Разнообразие представленных в словаре дейктических вариантов характерно для нарратива русской культуры.

Дейксис в заголовках глав характеризует внеязыковую действительность, выражая ее через:

- 1) рефлексивную, выраженную притяжательными местоимениями: *Язык мой – враг мой, Мой дом – моя крепость;*
- 2) императив-поучение: *Других не суди, Не всякому слуху верь;*
- 3) описание действий группы, ограниченной каким-либо признаком: *Кто как напивается, Что делают глупые;*
- 4) характеристику группы, ограниченной каким-либо признаком (многочисленные заголовки, построенные по модели «местоимение-коррелят + анафорический элемент, который распространяется содержательной частью паремий»): *О тех, кто от роду плох, О том, кто ростом мал, О тех, кто трудится спозаранку, О том, что плохо лежит;*
- 5) трюизмы, с одной стороны содержащие характерную для народного сознания абсолютизацию признака, выраженную местоимениями *весь* или *всякий* (*Все в прошлом, Всякому нужен обед и ужин, К старости все напасти*), с другой же – необходимость его, абсолютного признака, ограничения (*Не всякое молчание золото, Не все можется, что хочется*);
- 6) оппозицию *свой / чужой*: *Свой дом родной, Чужое горе, Свое горе, Свой ум, Свое дитя.*

Следует подчеркнуть, что дихотомия *свои / чужие* представлена в словаре поособому. Кроме вышеуказанных названий подглавок, в лексикографическом источнике есть две главы, включающие в себя большой паремиологический материал, названия которых содержат дейктический маркер, – лексему *свой*, часть единой и неделимой, по мнению множества ученых, дихотомии *свои / чужие, свой / чужой, свое / чужое*. Это главы 21 и 22 – «Свои люди» и «Свое и чужое».

Свой и чужой – это местоименные исходы (по Н. Ю. Шведовой), высокая абстрактность значения которых при меняющемся конкретном содержании дает возможность увидеть многие особенности национального сознания, причем своеобразная, весьма оригинальная классификация, представленная в словаре, как и

отмечаемая В. М. Мокиенко «хронологическая дальнобойность» сборника, позволяет детализировать и дифференцировать описываемые паремии. Анализ «паремиологического содержания» глав дает читателю возможность наполнить каждое из названий конкретными смыслами, восходящими к понятиям материального и духовного мира.

Класс русских местоимений – это «арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом» [14, с. 8]. Так называемые исходные местоимения, или исходы, организуют в качестве неких «краеугольных камней» самые основы коммуникативного бытия живого и неживого в их признаках – приписываемых, сущностных, принадлежностных и др. Расчленение исходных понятий «демонстрирует реально существующие ступени и структуру человеческого познания..., < а также > ... сложившееся у людей представление о противопоставленности предела, средоточия, «точки» и отсутствия предела, несосредоточенности, «неточечности»: сравн. *этот* и *тот*, *это* и *то*, *тут* и *там*, *сюда* и *туда*, *досюда* и *дотуда*, *мой*, *твой*, *его* и *свой*... (выделено нами – И.Ч.-Ж.)» [14, с. 7–8]. Выделенное противопоставление *мой*, *твой*, *его* и *свой* представляет две группы смыслов: «признака сущностного и приписываемого, собственности и несобственности» [14, с. 8] и косвенно соотносится с понятием «живого и неживого, личности и неличности» [там же].

Толковый русского языка Ефремовой Т. Ф. [6] фиксирует современное употребление слова **свой** как субстантивата (1) и как местоимения (2).

Свой

1. **м. разг.** Тот, кто находится в родственных, дружественных отношениях с кем-л., связан местом жительства, совместной работой, общими убеждениями и т. п.

2. **местоим.**

1) Принадлежащий себе, имеющий отношение к себе.

2)

а) Собственный, составляющий чье-л. личное достояние.

б) *разг.* Домашнего изготовления, производства и т. п.; не купленный.

3) Свойственный только чему-л. одному, данному; своеобразный.

4) Соответствующий определенным обстоятельствам; надлежащий, должный.

5)

а) Находящийся в родственных, дружественных отношениях, связанный местом жительства, совместной работой, общими убеждениями.

б) *разг.* Не заимствованный; отечественный.

В корреляции *свой* / *чужой* реализация когнитивного потенциала во многом определяется характером дейктического вектора семантики, что отражается в частеречной характеристике компонентов. Местоимение *свой* в названиях глав «*Свои люди*» и «*Свое и чужое*» предполагают разновекторный дейксис, так как в первом случае это субстантиват (представленный как идиома), во втором – собственно местоимение. Стоит сказать, что субстантиват **свой** актуализирует денотативный предметный ресурс, – дается **характеристика** ближнего, *своего* круга, в корреляции же *свое-чужое* акцент переносится на **отношения** *своих* и *чужих*.

В названии главы «Свои люди» значение лексемы *свой* соотносится с первым значением современного употребления слова *свой*, представленном в словаре – это представление о *своих* как о людях, которые находятся в родственных, дружественных отношениях с кем-л., связаны местом жительства, совместной работой, общими убеждениями и т. п.

Но обобщающим тезисом этой части словаря является фраза: «Близкие люди, в том числе друзья-приятели, говорят, что они – свои люди», которое содержит слово *близкие*, в идиоме реализующее значение ‘связанный с кем-л. дружбой, симпатией, любовью’.

Дейктический компонент *свой* имплицитно в любой из фразеоломатических, представленных в главе, как вектор ее внутренней формы, определяющий характер атрибуции и направление динамики мотивации именованного в атрибутивном при знаке (группе признаков). Указательный вектор внутренней формы номинатива *свой* как базового субстантивата представлен в названиях подглавок, при этом *свои* характеризуются с точки зрения:

- 1) родственных связей: «Семья», «Родня», «Седьмая вода на киселе»;
- 2) отношений: «Любовь», «Страсти-мордасти», «Друзья», «Дружба дружбе рознь»;
- 3) традиции: «Жених и невеста», «Сосед», «Гость», «Шапочное знакомство»;
- 4) ситуации: «Сватовство», «Свадьба», «“Цепи” Гименея», «О супружеской верности и ревности», «Ссора», «Ссора красна мировую», «Не сошлись характерами», «Близок локоток, да не укусишь», «Одному и в раю не рай»;
- 5) поступка: «Подарки и отдарки», «Помощь», «Займы», «Просьба», «Кукиш с маслом», «Лучше дать, чем просить», «Добром не попрекают», «За добро добром и платят», «Черная неблагодарность».

Паремиологические репрезентанты концептов однозначно свидетельствуют о несомненной важности *своего*, причем отношения между *своими* в любом из выше названных кластеров представлены широчайшей палитрой.

Так, абсолютное по своей ценности ассоциативное поле представлено в концептуальных пространствах «Любовь», «Дружба» и «Семья» в виде характерной для русской ментальности традиционной символики (*без солнышка нельзя пробыть, без любви нельзя прожить; без любви – как без солнца, при солнышке тепло, при матери добро; человек без друзей, что дерево без корней*), образности (*сердце сердцу весть подает, любовь с первого взгляда; любовь – стекло, разобьешь – не склеишь; любовь до гробовой доски, подобрать ключи к сердцу, сердце не камень, любит, как душу, трясет, как грушу, дружба – что стекло, разобьешь, не склеишь*), устойчивой перцепции (*любовь – не пожар, а загорится – не потушишь, любовь – костер, на красный цветок летит и мотылек, на красный цветок и пчела летит*).

Отношения между *своими* представлены с позиции народной мудрости, народного знания, и описаны они совсем не однозначно и прямолинейно, а многовекторно и разнообразно. Если использовать паремиологический код словаря, то можно сказать, что в этой главе представлены как *свои люди*, так и *свои, да не свои* или *свои, да не совсем*.

В каждой категории *своих* маркируют семантические ограничители, которые зависят от базового репрезентанта и смыслов, обусловленных культурной традицией.

Так, ограничение для *своих* в сферах «Любовь», («Страсти-мордасти», «Жених и невеста», «О супружеской верности и ревности») накладывают семантические операторы 'возраст' (*видима беда, коль у старого жена молода, не для себя старик на молодой женился*), 'измена' (*чужую жену полюбить – свою погубить*), 'искушение' (*в чужую жену черт ложку меда кладет*), 'свобода' (не верь ветру в поле, а жене в воле), 'расстояние' (*с глаз долой – из сердца вон*).

Для русского сознания характерна свобода и необъяснимость выбора *своего* в любовном дуэте (*любовь зла, полюбишь и козла, любовь слепа, не славится красавица, а кому что нравится, не по хорошему мил, а по милому хорош*). Особенно отчетливо ценность любимого как *своего* представлена в оппозиции *милый (свой)-немилый (не свой)*, которая не имеет никакого рационального объяснения (*тошно жить без милого, а с немилым еще тошней, лучше нужна да стужа, чем жить с немилым мужем, с немилым жить – век губить, с немилым жить – только мяться, с немилым спать – тесна кровать, не мил телом – не угодлив и делом*),

напротив, наличие *своего* компенсирует возможные жизненные трудности (*был бы милый по душе, проживешь и в шалаше, с милым и под елью найдешь келью, лучше жить в бедности, да с милым, чем в богатстве, да с постылым*).

Паремии, представляющие *ситуации* и *поступки*, отражают пограничное состояние между своими-и-не-своими, например, *ссора (раздружится друг – хуже недруга), подарок – искренний (не дорог подарок, дорога любовь)* и не очень (*жадный дарит – будто от сердца отрывает*).

Таким образом, в 21-й главе «Свои люди» дейктический элемент представлен субстантиватором *свои*, который включает представление о конкретных денотативных группах. *Свои* – близкие люди, которые объединены кровной связью, отношениями, национальными традициями, *свои* могут быть связаны определенными ситуациями и совершать друг по отношению к другу различные поступки.

В 22-й главе «Своё и чужое» лексема *свое* – это местоимение в значении ‘принадлежащий себе, имеющий отношение к себе’, ‘собственный, составляющий чье-л. личное достояние’. Если в предыдущей главе речь шла о группе своих, ее составе и отношениях внутри нее, то в этой главе, по словам автора, «самое главное <...> – отразить отношения между своим и чужим». Все пословичные контексты в данной части эксплицитно или имплицитно содержат антитезу, при этом местоимения *свое* и *чужое* образуют тесную семантическую пару, когда употребление одного из них неизбежно предполагает домысливание ситуации, создающейся другим, что поддерживается в ряде контекстов компонентом в форме сравнительной степени.

«Противопоставление “свой-чужой” исторически обусловлено первичностью психологической категории “они” (“другие”, “чужие” в данном случае мы рассматриваем как синонимы) и вторичностью категории “мы” как “не они”» [11, с. 12]. Очевидно, объективное существование «своего-чужого» и его субъективное отражение в сознании человека – параллельные, одновременные процессы. Формирование своеобразной программы регулируемых отношений «своего-чужого» являются рефлексией над содержанием собственного сознания. Стремление людей к объединению со «своим / своими» и дистанцированию от «чужого / чужих» предполагает осознание соответствующих отношений [11, с. 13].

Дейксис способствует развитию местоименного вектора внутренней формы прилагательного *чужой* в корреляции *свой-чужой*. Представление о *чужом* определяется множеством факторов, в том числе теми глубинными процессами, которые имплицированы во внутренней форме слова. Это как этимология, так и историческое развитие класса местоимений.

Этимология каждой из единиц дихотомии, представленная в словаре Макса Фасмера [13], подтверждает мысль о указательном векторе внутренней формы слова.

Свой. общеслав. суф. производное от той же основы, что свобода (см.), др.-инд. *svas* «собственный», готск. *swēs* – тж., латышск. *savs* – тж., без *v* – собственный, себе.

Чужо́й. общеслав. суф. производное (суф. -j-, ср. рыжий) от **tjudъ* «народ», заимств. из готск. яз. (ср. нем. *deutsch* «немецкий»); *tj* > ч, *dj* > ж, ой < ый после падения редуцированных. Чужими называли сначала готов (т. е. не свой народ). Отсюда *чужой* – «не свой, иной»; ср. *чужеземец, чужеродный*. См. *чушь*.

С другой стороны, формирование указательного вектора внутренней формы номинаций *свой-чужой* как признаков слов, становящихся базовыми субстантиватами как языковыми репрезентатами концептов, на наш взгляд, связано с историческим развитием класса собственно дейктических слов-местоимений. Известно, что в древности взаимодействие личных и неличных местоимений [2] и формирование трехчленной парадигмы лица местоимения в процессе развития позиции 3-го лица

(недиалогического = монологического) бывшее указательное ОНЪ (ОНА, ОНО) сохранило свой семантический признак 'отдаленный, другой, ЧУЖОЙ', приобретя семантический признак 'не-Я и не-ТЫ, но СВОЙ'.

Согласно психолингвистической (и психологической) концепции, реальный мир через посредство «своей» культуры отражается в сознании личности в виде образа мира, воспринимаемого личностью как единственно верное, объективное мировидение. Кажется вполне объяснимым, что именно «свой» образ мира *предстает как истинный*: мы убеждены, что объективно воспринимаем суть окружающих нас реалий, не осознавая, что на самом деле включаем их в схемы и отношения, заданные собственной культурной традицией.

В главе словаря «Своё-чужое» представлены определенные модели взаимодействия *своих / чужих*, причем оценка членов оппозиции осуществляется через признак соответствия-несоответствия норме (которую возможно интерпретировать как систему эталонов действия, сущности или состояния объекта или явления, формирующуюся у индивида в процессе социализации при присвоении образцов национальной культуры) [12].

Отмечено, что если «свой» воспринимается как норма, то «чужой» часто подразумевает ее нарушение. Особенности оппозиции «свой-чужой» таковы, что соответствующее представление о «чужом» и его негативное восприятие возможны даже при отсутствии или недостатке контактов и соответствующей информации, то есть объективных причин для формирования отрицательного мнения о «чужом»...» [1]. Оценочность оппозиции «свой-чужой» означает, что «они» – восприятие (или «они» – представление) происходит через «мы» – ощущение. Направление оценки происходит от «мы» к «они». Разные проявления отношения к чужому практически без исключений встраиваются в систему координат «норма» – «антинорма», которая, впрочем, знает исключения.

Норма в наивной картине мира, например:

– высокая оценка своего.

Свое всегда оценивается положительно: *каждый кулик своё болото хвалит*. О субъективности оценки говорить не приходится – и в том случае, когда действие соответствует норме, и в том, когда не соответствует, поступок своего, как правило, оказывается прощительным, а чужого – нет (*свой дурак дороже чужого умника, чужаяй грязь грешнее, чужая вина виноватее*).

– осознание важности своего, безразличие к чужим проблемам.

Свое важнее, чем чужое: *всякому своя обида горька; своя болячка больней болит; чужую печаль с хлебом съешь, а своя и с мёдом нейдет; чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу; наше дело – сторона*.

– зависть к чужому: *смотрит, как мышь на крупу; смотрит, как волк на сало; в чужом огороде огурцы вкусней; в чужих руках ломать толще*.

С другой стороны, антинорма:

– интерес к чужому (делу, пространству, горю). *Чужие* не важны, рекомендовано их делами не интересоваться: *всяк мети перед своими воротами; не твоя печаль чужих детей качать; в чужие карты не заглядывай; в чужую спальню не заглядывай; в чужом хлеву овец не считают; любопытной Варваре в трамвае нос оторвали*.

– владение чужим добром (богатством): *на чужое добро не зарься; чужого не бери и своего не отдавай; трудовой сухарь дороже краденого каравая*.

В этой же системе координат выстраиваются и другие правила отношения к чужому: норма – независимость от чужого (*надо меньше пить, да свое купить*), антинорма – обсуждение чужого (*грех не беда, молва нехороша*) и т.д.

Таким образом, анализ словаря подтверждает, что оппозиция *свой-не-свой* – концептуальная база, где *не-свой* может быть представлен как *иной, другой, чужой* и т. д., на этой оппозиции выстраивается целая парадигматическая «ось», основанная на двух векторах дейксиса как «скелетах» семантики.

Выводы

Дейксис изначально, можно сказать, генетически, связан в первую очередь с местоимением. Во внутренней форме именованного всегда динамически уравновешены дейктический и номинативный векторы. Дейктический вектор, или план внутренней формы именуемого знака, может актуализировать основную, первичную функцию – вербализацию смысла и обозначение денотата, но может актуализировать и функции вторичные, например, прономинативные, когда употребляются синонимы разного типа, возникает именное перефразирование, в том числе метафорическое и метонимическое.

Мы считаем, что дейктический компонент имплицирован в любой, в том числе фразеологической номинации как вектор ее внутренней формы, определяющий специфику атрибуции и направление и характер номинационно-грамматической (синтаксической) динамики мотивации именованного в атрибутивном признаке (группе признаков).

Дейктический компонент является вектором, определяющим взаимодействие когнитивного и собственно языкового компонентов номинации и формирование того ресурса коммуникации, который определяет употребление наименования как «части речи», как пространства синтаксического отрезка (фрагмента текста определенной структурной формы), необходимого и достаточного для решения собственно номинативных, коммуникативных и эстетических задач.

Список источников и литературы

1. *Балясникова О. В.* "Свой-чужой" в языковом сознании носителей русской и английской культур : дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / Балясникова Ольга Вениаминовна. М., 2003. 224 с.
2. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М.: URSS : КомКнига, 2006. 511 с.
3. *Буров А. А.* Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Буров Александр Архипович. Ставрополь, 2000. 413 с.
4. *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
5. *Зимин В. И., Спиринов А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 544 с.
6. *Ефремова Т. Ф., Костомаров В. Г.* Словарь грамматических трудностей русского языка: более 2 500 слов. М.: Астрель, 2009. 379 с.
7. *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
8. *Маловицкий Л. Я.* Значение и обозначение // Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда: Изд-во ВГПИ, 1981. С. 183–190.
9. *Zimin V. I., Spirin A. S.* Пословицы и поговорки русского народа, Moskva, [compte-rendu] // *Revue des études slaves*. 2000. Т. 72, № 3-4. Р. 612–622. Рец. на кн.: Мокиенко В. М. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сюита, 1996. 544 с.
10. *Потебня А. А.* Мысль и язык // Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–200.
11. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 235 с.
12. *Тарасов Е. Ф.* Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1985.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М. Фасмер. М.: АСТ, 2009. 864 с.
14. *Шведова Н. Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

15. Чумак-Жунь И. И. Когнитивная оппозиция Свой/Чужой как компонент поэтического мировидения и фактор дискурсивного противодействия // Русский язык в поликультурном мире : I междунар. симп., Ялта, 8-12 июня 2017 г. : сб. науч. ст. : в 2 т. Симферополь, 2017. Т. 1. С. 439–444.

References

1. Balyasnikova, OV 2003, "Svoy-chuzhoy" v yazykovom soznanii nositeley russkoy i angliyskoy kul'tur ("Friend or foe" in the linguistic consciousness of speakers of Russian and English cultures), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
2. Borkovskiy, VI & Kuznetsov, PS 2006, *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* (Historical grammar of the Russian language), KomKniga publ, Moscow. (In Russ.)
3. Burov, AA 2000, Substantivnaya sintaksicheskaya nominatsiya v russkom yazyke (Substantive syntactic nomination in Russian language, doctoral thesis, Stavropol. (In Russ.)
4. Gvozdev, AN 1965, *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* (Essays on the stylistics of the Russian language), Prosveshcheniye publ, Moscow, viewed 28 June 2023, <https://geum.ru/next/art-148235.leaf-13.php> (In Russ.)
5. Zimin, VI & Spirin, AS 2006, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Bol'shoy ob'yasnitel'nyy slovar'* (Proverbs and sayings of the Russian people. Large explanatory dictionary), Feniks publ, Moscow. (In Russ.)
6. Efremova, TF & Kostomarov, VG 2009, *Slovar' grammaticheskikh trudnostey russkogo yazyka: boleye 2 500 slov* (Dictionary of grammatical difficulties of the Russian language: more than 2,500 words), Astrel publ, Moscow. (In Russ.)
7. Kostomarov, VG 2005, *Nash yazyk v deystvii: Ocherki sovremennoy russkoy stilistiki*. (Our language in action: Essays on modern Russian stylistics), Moscow. (In Russ.)
8. Malovitskiy, LYa 1981 'Znachenije i oboznachenije' (Meaning and designation), *Grammaticheskaya semantika yazykovykh edinits* (Grammatical semantics of linguistic units), Izd-vo VGPI publ, Vologda, pp. 153–168 (In Russ.)
9. Mokiyeenko, VM, Zimin, VI & Spirin, AS 1996, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* (Proverbs and sayings of the Russian people), Syuita publ, Moscow. (In Russ.)
10. Potebnaya, AA 1989, 'Mysl' i yazyk' (Thought and language), *Slovo i mif* (Word and myth), Pravda publ, Moscow, pp. 17–200. (In Russ.)
11. Porshnev, BF 1979, *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* (Social psychology and history), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
12. Tarasov, EF 1985, *Tendentsii razvitiya psikholingvistiki* (Trends in the development of psycholinguistics), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
13. Fasmer, M 2009, *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* (Etymological Dictionary of the Russian Language), AST publ, Moscow. (In Russ.)
14. Shvedova, NYu 1998, *Mestoimeniye i smysl. Klass russkikh mestoimений i otkryvayemye imi smyslovyye prostranstva* (Pronoun and meaning. The class of Russian pronouns and the semantic spaces they open), Azbukovnik publ, Moscow. (In Russ.)
15. Chumak-Zhun', II 2017, 'Kognitivnaya oppozitsiya Svoy/Chuzhoy kak komponent poeticheskogo mirovideniya i faktor diskursivnogo protivodeystviya' (Cognitive opposition Friend/Stranger as a component of the poetic worldview and a factor of discursive opposition), *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire*, vol.1, 8-12 June 2017, Yalta, Simferopol, pp. 439–444. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 15.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023